

Польские политические заключенные в Валуйках

НИКОЛАЙ БЕЛОПОЛЬСКИЙ

Предисловие

СЛЕД ЗА ПОДАВЛЕНИЕМ ЯНВАРСКОГО ВОССТАНИЯ 1863 ГОДА около тридцати тысяч поляков были отправлены в ссылку или на каторгу в различные селения по всей Российской империи. Ссылные оставили после себя обширное литературное и мемуарное наследие, знакомое русскоязычному читателю по таким издательским проектам, как «Польско-сибирская библиотека». Помимо Сибири и Урала, значительная часть ссыльных оказалась и в европейской части России. Так, в Воронежской губернии основными городами, где проживали ссыльные, были Бобров, Новохоперск, Валуйки и сам Воронеж, который в то же время служил перевалочным пунктом на пути в Сибирь¹. В настоящем издании мы приводим два источника, которые касаются

¹ Список городов Воронежской губернии, в которых проживали польские политические заключенные, приводится в так называемом «Альбоме варшавского полицмейстера» (другое название — «Память мятежа. От 1860 до 1865 г.»), изданном Сикорской-Кулешей и Будрович-Новицким. Этот уникальный исторический источник представляет собой обширное собрание фотографий, имеющих отношение к Январскому восстанию. Среди прочего, он содержит фотографии ссыльных Воронежской губернии. См.:

истории ссыльных в городе Валуйки: отрывки из мемуаров Марцина Залеского и письма Кароля Качковского.

Марцин Залеский (род. 11 ноября 1826 – † 11 июня 1891) — не путать с известным польским художником-неоклассицистом — представитель польской шляхты, родился в деревне Семидубы Дубенского уезда, провел детство и юность на Волыни и в Галиции у своего деда, Эразма Коморовского, бывшего генерала войска польского^{2 3}. В мемуарах Марцин Залеский описывает свое детство, прошедшее в имении деда на границе двух империй. Помимо обыкновенного для дворянина XIX века домашнего образования Марцин Залеский посещал австрийскую школу, а позже — Кременецкий лицей, где преподавание велось на русском языке. После обучения в Одессе, будучи подданным Российской империи, поступил на полковую службу в Елисаветградский гусарский полк. В 1849 г. участвовал в Венгерском походе Николая I. Январское восстание застало его на должности маршалка шляхты (предводителя дворянства) города Дубно. За поддержку восстания 4 февраля 1864 г. был сослан в Чердынь, откуда переехал в Валуйки, где прожил два года, с сентября 1864 г. до октября 1866 г.⁴

Марцин Залеский оставил подробные мемуары, охватывающие значительную часть его жизни. Они были посмертно опубликованы львовским издательством «Губрынович и Шмидт» в 1893 г. и, насколько нам известно, с тех пор не переиздавались. Как утверждают издатели, к литературным опытам Марцин Залеский приступил после возвращения на Подолье, где он поселился в селе Соломна в 1873 г. В частности, Залеский писал стихи, которые читал в узком семейном кругу. Мемуары существовали в двух редакциях — в полной редакции, завершенной к 1883 г., и в сокращенной, датированной 1890 г. Опубликованная издательством «Губрынович и

Sikorska-Kulesza, J., & Burdowicz-Nowicki, J. (2018). *Album policmajstra warszawskiego : Pamiątka buntu od 1860 do 1865* (Wydanie 1-e). Państwowy Instytut Wydawniczy.

² Zaleski, M. (1893). *Wspomnienia Marcina Zaleskiego 1830-1873* (s. 16–21). Gubrynowicz i Schmidt. <https://polona.pl/preview/c8549b46-3a71-4d93-84be-6803be214e2b>

³ Даты смерти и рождения указаны, в том числе, в некрологе Марцина Залеского. См.: *Marcin Prawdzic Zaleski [...] zasnął w Panu dnia 11go Czerwca 1891 r. [...] (1891)*. Biblioteka Jagiellońska, 224649 V Za 80. <https://fbc.pionier.net.pl/id/oai:jbc.bj.uj.edu.pl:851528>

⁴ Stępień, S., & Miceł, M. (2022). *Powstańcy styczniowi więzieni w twierdzy kijowskiej: Zarysy biogramów* (s. 278). Południowo-Wschodni Instytut Naukowy w Przemyśle.

Шмидт» книга представляет собой компиляцию этих двух текстов⁵.

Несомненно, мемуары изначально задумывались автором как публичное высказывание и предназначались для печати. Для них характерен литературный стиль изложения: факты биографии перемежаются историями из жизни, отвлеченными рассуждениями, цитируются песни и поэзия.

Ниже мы приводим небольшой отрывок из мемуаров, описывающий путешествие по Восточной Слобожанщине и пребывание в Валуйках. Данный отрывок уже публиковался на сайте «Обретенная память» в исполнении другого переводчика, однако мы подготовили новую, исправленную редакцию⁶.

Другим источником информации о жизни Марцина Залеского являются мемуары его друга, писателя Юзефа Дунина-Карвицкого, который был знаком с ним на протяжении многих лет⁷. Дунин-Карвицкий почти не рассказывает о жизни ссыльных в Валуйках, о которой он, вероятно, знал мало и из третьих уст. Однако, он затрагивает проблему, о которой современный читатель может не знать и с которой столкнулись многие из ссыльных, включая сосланных в Валуйки Марцина Залеского и маршалка шляхты Кременецкого уезда Витольда Могильницкого, — принудительную продажу земель и имущества под угрозой экспроприации: *«Ничего удивительного, что в те времена, сорок лет назад, продажная цена земли у нас упала до минимума, поскольку на нее буквально не было покупателей. Предложение сто-кратно превышало продажи. Двухлетний срок, которым был связан Марцин Залеский, скоро истекал. После долгих стараний, он смог его продлить и наконец дождался каких-никаких покупателей в лице чешских колонистов, массово прибывших около 1869 года из Австрии на Волынь под протекцией наследника Безака, нового киевского генерал-губернатора князя Дондукова-Корсакова. От имени Залеского его уполномоченный нотариус из Дубно по имени Борович смог совершить раздел имения в Мирогоще, Семидубах и Злынце, но по баснословно низкой цене, если не ошибаюсь — по 16 рублей за морг вместе с постройками.*

⁵ Słowo od wydawcy. (1893). W M. Zaleski, *Wspomnienia Marcina Zaleskiego 1830-1873* (s. III–VI). Gubrynowicz i Schmidt. <http://www.wbc.poznan.pl/Content/268085>

⁶ Мишутин, И. (2021, март 10). Ссылка Марцина Залеского. *Обретенная память*. <https://old.waluiki.eu/docs/raznoye/marcin/>

⁷ Dunin-Karwicki, J. (1904). *Z moich wspomnień* (Т. 4). A. G. Dubowski. <https://polona.pl/preview/3354c9ce-34a3-4888-85f0-fa0b43bfbcb8>

[...] Но сейчас цена за тот же морг земли превышает 200 рублей!»⁸

Принудительная продажа земель оказалась проблемой и для других ссыльных представителей шляхты в Валуяхах. Показателен в этом отношении случай сосланной в Валуи-ки госпожи Костровицкой: как писал корреспондент газеты «Дзенник Познаньски», чиновники пользовались уязвимым положением ссыльных и в обход закона скупали за бесценок их имущество, что и произошло в случае госпожи Костровицкой^{9 10}. Таким образом, ссылка облегчала местным властям

⁸ «Nic jednak dziwnego, że w owej epoce, przed 40-ma laty, sprzedażna cena ziemi u nas upadła do minimum, bo literalnie nie było na nią kupców. Podaż o stokroć przewyższała sprzedaż. Termin dwuletni, obowiązujący Marcina Zaleskiego, upływał wkrótce. Po długich staraniach, potrafił on go prolongować i nareszcie, na szczęście, doczekał się siakich takich kupców, w osobie Czechów kolonistów, napływających około 1869 r. masami z Austrii na Wołyń i wysoce wówczas protegowanych przez następcę Bezaka, nowego kijowskiego generał-gubernatora, księcia Dondukowa-Korsakowa. W imieniu Zaleskiego umocowany jego dubieński notaryusz Borowicz potrafił przeprowadzić parcelację dóbr Miroszowszcza, Semiduby i Złińce, lecz po bajecznie niskiej cenie, jeżeli się nie mylę—po 16 rubli za morg wraz z budynkami. [...]. Lecz obecnie cena tego samego morga przewyższa 200 rubli!» Dunin-Karwicki, J. (1904). *Op. cit.* (s. 164).

⁹ Korespondencje Dziennika Pozn. (1868, maja 1). *Dziennik Poznański: wychodzi codziennie z wyjątkiem poniedziałków i dni poświęconych*, X(101), 1. <https://polona.pl/preview/d94ca9cf-15b8-4ed0-99e7-56754dfeffa2>

¹⁰ «Экспроприация нашей собственности — это всегда важнейший вопрос, которым москали занимаются в первую очередь. [...] Среди прочего, приведу вам пример обхода закона, совершенный председателем объединенных судебных палат в Вильне Лакиером и полицмейстером Измайльским. Пани Костровицкая за участие в основании [конгрегации] сестер Милосердия в Вильне, что, вообще говоря, было дозволено правительством, была выслана Муравьевым в Валуи Воронежской губ. на проживание, в результате чего, согласно указу от 22 декабря 1865 г., ее имущество по приговору было выставлено на продажу. Имущество это, а конкретно [имения] Ростыняны и Жечи, расположенные в Виленской губернии, частью состояло из хозяйств, которые раньше принадлежали иезуитам и которые пани Костровицкая, как прилегающие к имению земли, имела в вечной аренде. Итак, о покупке этих имений, как безусловно принадлежащих пани Костровицкой, а также и бывших иезуитских земель, заявили господа Лакиер и Измайльский. Однако, во время переговоров о покупке тех имений вышел царский указ, предписывающий приостановить продажи бывших иезуитских земель. [Виленский губернатор] Панютин, получив указ, немедленно пришел к Лакиеру, устно уведомив его о содержании указа и призывая не подписывать в гражданском суде акт о купле-продаже иезуитских имений. Лакиер заверил его, что все выполнит, как только получит сам указ. Однако, едва Панютин вышел, он выслал эстафету к полномочному представителю Костровицкой с просьбой явиться. Представитель явился, и к вечеру того же дня акт купли-продажи упомянутого имущества на имя Лакиера и Измайльского был готов — по цене, равной одной шестой его истинной стоимости. На следующий день тот же Лакиер с большой помпой огласил царский указ и разослал его всем подвластным себе судам!» («Wywłaszczenie nas z majątków, to

экспроприацию имущества, поскольку поляки, не имея возможности вернуться, вынуждены были совершать продажу через третьих лиц, и это открывало возможности для злоупотреблений.

Кароль Качковский * (1797–1867) — профессор Варшавского университета, главный врач польской армии во время Ноябрьского восстания. После 1831 г. жил в Эльблонге, затем переехал в Галицию, где занимался врачебной практикой, писал энциклопедические статьи. После Январского восстания был сослан в Одессу, затем — в уездный город Валуйки, откуда писал своим корреспондентам глубоко эмоциональные письма, опубликованные много лет спустя после его смерти, в 1915 г., в варшавской газете «*Kurjer Narodowy: dziennik polityczny, społeczny, ekonomiczny i literacki*». Эту публикацию мы приводим с предисловием анонимного издателя. В письмах излагаются обстоятельства жизни в ссылке, детали быта и личные переживания врача. В обширном наследии Качковского, которое включает не только труды по медицине и педагогике, но и воспоминания о путешествии в Крым, эти письма фактически неизвестны.

Кароль Качковский и Марцин Залеский, оба воспитанники Кременецкого лицея, принадлежали разным поколениям, и, вероятно, познакомились уже в Валуйках, где Качковский, судя по письмам, оказался не позже весны 1864 г. и прожил там до 1867 г. Марцин Залеский неоднократно упоминает Качковского в своих воспоминаниях. Письма Качковского

* В русских источниках иногда упоминается как Карл Григорьевич Качковский.

zawsze najważniejsza sprawa, którą Moskale przedewszystkiem się zajmują. [...] Pomiędzy innemi przytoczę wam przykład obejścia prawa, spełniony przez Lakiera prezesa połączonych izb sądowych w Wilnie i Izmailskiego policmajstra. Pani Kostrowicka za udział w założeniu sióstr Miłosierdzia w Wilnie, na co, nawiasem mówiąc, rząd zezwolił, wystaną została przez Murawiewa do Watyjek w gub. woroniejskiej na mieszkanie; skutkiem tego, na mocy ukazu z 22 grudnia 1865 r. dobra jej skazane zostały na sprzedaż. Dobra te a mianowicie: Rostyniany i Rzecze, w gubernii wileńskiej położone, składały się częścią i z folwarków dawniej do dóbr jezuitckich należących, a które p. Kostrowicka, jak przyległe swym dobrom, dzierżawiła wieczyście. Otóż o nabycie dóbr tych, tak bezwarunkowo własnych pani Kostrowickiej, jak i pojezuickich, zgłosili się p. Lakier i Izmailski. W czasie jednak umów o nabycie tych dóbr wyszedł ukaz carski, nakazujący ustrzymanie sprzedaży majątków pojezuickich — Paniutin, otrzymawszy ukaz, natychmiast udał się do Lakiera, uwiadamiając go o treści ukazu i ustnie wzywając, aby odtąd aktu kupna i sprzedaży dóbr jezuitckich w izbie sądowej cywilnej nie dopełniał. Lakier zapewniał go, iż w zupełności się do tego zastosuje, jak tylko ukaz otrzyma. Zaledwie jednak wyszedł Paniutin, wystął natychmiast sztafetę do pełnomocnika Kostrowickiej, wzywając go o przybycie. Pełnomocnik stawił się o tego dnia w nocy akt kupna i sprzedaży powyższych dóbr na rzecz Lakiera i Izmailskiego był sporządzony za cenę wyrównującą jedną szóstą części prawdziwej wartości. Na drugi dzień tenże Lakier z wielką pompą ogłaszał ukaz carski i rozestął go wszystkim podwładnym sobie sądom!»). Ibid.

подтверждают отдельные факты жизни ссыльных, к примеру, проведение научных лекций, а также позволяют уточнить хронологию событий.

Представленные документы интересны как источник информации о жизни польских ссыльных в европейской части Российской империи, об организации их быта, участии ссыльных в местных сообществах. Публикация этих документов — еще один фрагмент мозаики, дополняющий историю польских ссыльных, которых, по выражению Кароля Качковско-го, *«судьба [...] оторвала от семьи, от домашнего очага и бросила в далекую и чужую страну»*.

I. Из воспоминаний Марцина Залеского

* Последний избранный маршалеk шляхты Кременецкого уезда Витольд Могильницкий. (Здесь и далее — примеч. переводчика).

Забыл выше отметить, что мой друг Могильницкий *, с которым мы состояли в длительной переписке, поделился со мной доброй вестью, что он, стараниями братьев переведенный в Воронежскую губернию вместе с бездетной женой, которая следовала за ним в Верхотурье, за две недели до меня уже выехал на новое место ссылки. Поэтому, когда после недели неторопливого путешествия из Москвы через Тулу и Орел я остановился в Воронеже, и видя, что в губернских городах ссыльных не размещают, а также памятуя о милейшем обращении со мной господина Лашкарева, я попытался найти способ разузнать, куда выслали моего товарища, и нельзя ли под каким-либо иным предлогом выехать туда же.

Вообще-то, тамошним губернатором был родственник, князь Владимир Трубецкой, внук моей двоюродной тетки, госпожи [Луизы] Валентиновны Росцишевской, однако политический преступник в России и на родного брата не может рассчитывать. Более того, губернатора в городе не было, он проводил ежегодную ревизию в уездах своей губернии. Тогда, подойдя к начальнику канцелярии, перебросившись с ним парой слов, и убедившись в его цивилизованном нраве, я с

деланым безразличием спросил, нельзя ли мне узнать адрес Могильницкого, дабы послать ему поклон от друзей.

«Хорошо, что вы напомнили», — ответил на это секретарь, — «Могильницкий неделю тому назад выехал в уездный город Валуйки и очень просил, чтобы я уговорил вас поехать туда же». Не веря своей удаче, я сделал вид, будто возражаю, и сказал, что Валуйки, по слухам, совсем нищий городишко, однако, когда меня заверили, что все шесть городов губернии, предназначенных для ссыльных, почти одинаковы, я позволил себя уговорить и попросил лишь дать мне один день отдыха в Воронеже. «Поезжайте на постоянный двор да отоспитесь, сколько будет надо, но только предупреждаю, что без особого разрешения господина губернатора больше недели здесь находиться нельзя. Накануне отъезда, пожалуйста, доложите мне, чтобы у меня было время предупредить жандармов, которые должны вас сопровождать».

После такого утешительного доказательства, что все территориальные вехи * — это лишь ничтожный довесок к соответствующим порядкам местных властей, я, в более легком расположении духа, разместился на три дня на довольно приличном постоялом дворе. А когда, уже по собственной воле, я захотел ехать и попросил главу жандармерии выделить мне неизбежных ангелов-хранителей, тот пожаловался, что не может найти людей, и настойчиво уговаривал меня остаться еще на пару дней.

Валуйки на реке Валуй, впадающей в Донец *, находятся приблизительно в 140 верстах к югу от Воронежа. Городок довольно бедный, однако по сравнению с Чердыню, он показался мне просторней и лучше застроенным; лишь полное отсутствие деревьев да большие расстояния между домами на прямых широких улицах вдвойне подчеркивали пустоту последних. В том, что касается построек, среди которых было так же мало каменных и кирпичных, Чердынь имела преимущество, поскольку там на сруб отбирались превосходные материалы, дома были крыты досками, а иные — кровельным железом, и лишь из-за отсутствия белил они казались мрачными, — тут же белые стены немного приободряли глаз, но сооруженные кое-как, наподобие наших хижин в Подолье, крытые чаще всего соломой под гребенку или тростником, дома выставляли благосостояние жителей в крайне негативном свете.

На самом деле мужик здесь зажиточный, хлеба имеет с избытком, скот хороший, а лошади холеные. Однако мещанин из-за недостатка торговых ремесел здесь гораздо бед-

* Притеснения
— от фр.
vexation.

* Ошибка
Залеского. Река
Валуй является
притоком Оскола.

* Курсивом
обозначены
слова
и выражения,
в оригинале
написанные
по-русски.

нее, чем в Перми, где пушнина, дичь, лесные промыслы и разнообразные рудники, от золотых до серебряных, при наличии судоходных рек, дают обильный, пусть и не всегда законный, доход. Зато беднейшим из бедняков приходится тяжело, почти как местному населению в непроходимых чащах Чердыни. Это вогулы, остяки и самоеды, чаще всего по-прежнему идолопоклонники, потому что, пусть они и были принудительно крещены присланными *попами*, * жизнь они ведут кочевую на непроходимых лесных топях, где можно укрыться от притворного христианства и блюсти свои языческие обряды. Кормятся они, главным образом, рыбой, чаще всего сырой, и даже тухлой, которая для них является лакомством. Используют этих людей для лесных промыслов, поэтому они должны быть очень ловкими и работящими. Но в городе они — редкое зрелище; за семь месяцев моей жизни в Чердыни лишь раз мне довелось их увидеть. Исподнего они не носят вообще, только рубахи, сшитые из оленьих шкур мехом наружу с подвязанным капюшоном на голове. Костюм этот называется *савики*, и он делает их воистину похожими на гигантских сов. Речь этих племен не имеет ни малейшего сходства с русским языком. Оседлое население в Пермской губернии — по большей части пришлое, главным образом, из бывших ссыльных, скорее всего, немало должно быть среди них потомков барских конфедератов, можно найти и наших солдат из армии Костюшко, а среди местных фамилий и по сей день встречаются боярские родовые имена.

Мой товарищ Могильницкий принял меня в Валуйках как брата. Уже неделю проживая на довольно удобной квартире, он пригласил меня к себе, а его жена к моему приезду созвала на вечернее чаепитие почти всю колонию. Я познакомился там с госпожой Костровицкой с сыном и дочерью из Литвы, с выдающимся старцем, врачом Каролем Качковским из Житомира, двумя баронами Клоттами, отцом и сыном из Могилевской губернии, супругами Клемашевскими с дочерью из Гродно, с Завадзкими, с Масальским и Лейтозовым из Вильны, молодым Дверницким из Царства *[Польского]* и многими другими. В совокупности число высланных в Валуйки тогда доходило до сорока, а позже еще и увеличилось.

Зная из последних писем жены, что, оставив младших дочерей под присмотром своих родителей в Подолье, она вскоре вместе со старшими сыновьями разделит мое изгнание, и что мой добрый брат решил ее проводить, я снял целое поместье с шестью комнатами и кухней и с понятным нетерпением ожидал прибытия дорогих гостей. Однако уже закон-

чился теплый и солнечный сентябрь, прежде чем последние письма дали мне знать, что они выехали и уже находятся в Житомире. Когда я после подсчетов смекнул, что они вот-вот должны приехать, то невзирая на начинающуюся слякоть, я сразу после обеда стал выходить на несколько верст за город им навстречу и ждал возле переправы парома на Валуге до позднего вечера, а затем, разуверившись в своих надеждах, печальный и все более снедаемый тревогой, нехотя плелся обратно.

16 октября обильный снег присыпал еще не замерзшую грязь, пора была настолько непотребная, что выйти за город было невозможно, и по случаю именин дочери госпожа Костровицкая пригласила наш широкий кружок на вечер к себе домой. И вот мы беседуем после чаепития, когда сосед мой, литовец Лейтозор, войдя, приближается ко мне и сообщает с литовской флегматичностью, что мной интересуется некий господин, который ожидает меня в сениях. Я быстро выбегаю, стгорая от любопытства, и, глазам своим не веря, узнаю своего брата. Пусть благодарит Бога и свою собственную стойкость за то, что я не задушил его в безумных объятьях. За мной высыпали любопытствующие гости в уверенности, что я помешался.

— Где жена?! дети?! — кричу я в безумии.

— Здоровы, слава Богу, ждут тебя.

Без шапки лечу через всю улицу и вот уже я у ног моей жены-ангела, и мальчики прижимаются ко мне — и тут мы все, даже слуги, залились слезами.

Вняснилось, что моей жене, которая довольно сильно захворала в Житомире, пришлось там пролежать несколько дней, и это сильно задержало их приезд. Путешествие, несмотря на чрезвычайно плохие дороги, было удачным, но начиная от Харькова, они, выехав нанятым экипажем прямоком до Валук, вынуждены были останавливаться на ночлег в селах, где из-за отсутствия станций им приходилось ночевать в крестьянских хатах. Поскольку хаты были невелики, группа разделялась таким образом, что жена со служанкой размещалась в одной, дети с бонной * — в другой, а брат занимал третью. Уже на последнем ночлеге перед Валуйками едва начало светать, как жену разбудил какой-то шорох в избе. Открыв глаза, она с ужасом видит гигантскую фигуру бородатого кацапа* с огромным окровавленным ножом в руке, а в распахнутых дверях висит обнаженный, будто бы человеческий силуэт на колу. От страха жена теряет дар речи, но конвульсивным усилием вскакивает с кровати. «Спи, матушка, спи, рано еще», — вежливо говорит селянин, —

* Гувернантка.

«я просто снасти ищу». — Это был мясник, который зарезал барана и, содрав шкуру, повесил его в сених, а когда ему что-то потребовалось в хате, он вошел безо всяких церемоний. К счастью, бедная моя жена не заболела от пережитого ужаса.

Брат привез печальные вести о делах в стране. Генерал-губернатора Анненкова заменили на дикого Безака, который старался перещеголять Муравьева — вешателя литовского. Постоянные аресты и преследования стали в порядке вещей. Среди множества знакомых и родственников наш шурин, Тадеуш Зеленецкий, по недоказанному делу сидел в каменецкой тюрьме, а его миллионное состояние было конфисковано. Всеобщая паника была так велика, что все сделки были приостановлены, и по всей стране полностью рухнули кредиты. При таких обстоятельствах брат, видя невозможность дальнейшего ведения моего хозяйства в одиночку, был вынужден сдать имущество мое и моей жены в аренду еврею на три года по смехотворной цене в пятьдесят копеек за один морг* земли. Доходов с него не хватало на уплату налогов, сборов и других местных нужд. Таким образом, единственным источником пропитания для нас на какое-то время стала распродажа по чрезвычайно низкой цене имущества, личных вещей, серебра и драгоценностей жены. При мысли о том, что будет дальше, разумом овладевал страх, однако положение многих изгнанников вокруг было куда более плачевным, оставалось только смириться перед неисповедимым приговором небес.

Пожив у нас три дня, брат мой поехал назад, а для меня в Валуяхках началась новая жизнь. Кроме немки бонны, жена привезла с собой вторую служанку, очень хорошую женщину, которая неплохо умела готовить. Поэтому мы с легкостью наладили собственное хозяйство и ежедневно у нас бывал на обеде кто-либо из беднейших ссыльных. Продовольствие в Валуяхках было совсем недорогим, например, за мясо мы платили по копейке за фунт, а за хорошо раскормленного индюка — по 50 копеек. Рыба была в изобилии, однако все покупки приходилось совершать раз в неделю, на пятничном торгу у крестьян, которые в этот день свозили с окрестных деревушек на городской рынок всевозможные овощи, зелень, молоко, мясо и т.д.

Однажды при покупке провизии, которую я чаще всего совершал лично, со мной приключилось своего рода оригинальное происшествие. Приценившись к дюжине фунтов масла, я даю крестьянину десятирублевую ассигнацию и прошу дать сдачи. «Мелочи у меня нет», — отвечает он, — «заплатишь в следующую пятницу». «Как же ты можешь давать мне в долг», — отвечаю я в удивлении, — «не зная меня

* Единица измерения.
1 морг ≈
0.5755 га.

лично и даже не зная, где я живу?» *«Как тебя не знать»*, — был ответ, — *«ведь ты паляк, вы честные люди. Уж нашему брату-то бы не поверил»*. Горячо его поблагодарив, скорее за лестное мнение, нежели за услугу, я показал ему, где живу и попросил прийти в следующую пятницу. И такого рода отношение к нам не было чем-то исключительным.

Местные горожане тоже показали себя упреждающими и вежливыми. Барон Корфф, один из самых богатых землевладельцев округа, вместе со своей супругой, как и некоторые другие, одарил нас, женатых и наиболее основательных людей в колонии, своим визитом. А когда во время маскарада в городе устроили игры с танцами, принять участие были приглашены многие из ссыльных. В то время нам было не до танцев, но, чтобы проявить взаимную вежливость, мы с Могильницким решили *faire acte de présence* * на одной из таких игр, разумеется, без жен. Там велись тайные разговоры, и нам шептали на ухо: «Поспешили вы, господа, с постановкой политического вопроса, стоило подождать нас, потому что мы, *китайцы*, быстро решаться не умеем...» — и тому подобные отдельные высказывания. И как бы в подтверждение тому, что они действительно китайцы, на тех же гуляниях всем известная содержанка местного маршала П... плясала в одной кадрили с госпожой баронессой и другими замужними представительницами общества.

На протяжении первого года в Валуяхах колония ссыльных росла практически непрерывно. Из недавно сосланных приехала целая семья Билиньских из Литвы: муж, жена и пятеро маленьких детишек; Станислав Нововойский и Пашкевич из Волыни, немолодая госпожа Шульц с племянницей, госпожой Левандовской, семья Медекшовых, переведенная из Чердыни. Чтобы добровольно проведать Могильницких, приехали его мать и брат Бронислав, а к доктору Качковскому — жена с дочерью и воспитанница.

Здесь нельзя не упомянуть о безумном потоке муравьево-безаковских постановлений, которые последовали за растущим числом добровольных поездок членов семьи к ссыльным. Невзирая на законность паспортов, выданных самими же властями, полиция выполняла тайный приказ задерживать на месте всех прибывающих в страну с визитом и отбирать их паспорта. Из-за этого еврей, приехавший к Качковскому по денежному вопросу, провел в отшельничестве в Валуяхах полгода, прежде чем ему удалось из самого Петербурга добиться дозволения на отъезд. Госпожа Могильницкая с сыном были вынуждены пересидеть у нас целый год, а бедной госпоже Качковской, добровольно навестившей

* Фр.
«обозначить свое присутствие»,
«побывать».

престарелого супруга, выпала куда более печальная доля. Проболев несколько месяцев, она распростилась со своей семьей и с белым светом. Ксендз, живущий в Воронеже и обслуживающий три губернии, не успевал выполнить последний христианский долг перед умершей; потому старейший в колонии, восьмидесятилетний барон Клотт взял простой деревянный крест и пошел впереди, молодые на плечах понесли тело, и вся колония, читая молитвы на усупение души, проводила прах почившей на вечный покой.

Это произвело огромное впечатление на местных, и соболезнования их были тем сильнее, что Качковский, известный врач, никому не отказывал в безвозмездном своем совете. Однако и впечатления, и самое сильное сострадание быстро тускнеют, если печальная действительность не движается с места.

Вспоминая Качковского, я должен добавить, каким громадным уважением он пользовался среди русских. Во время революции 1830-го года народное правительство назначило его генерал-врачом целой армии. Должно быть, кто-то из ссыльных сообщил эту деталь жителям Валуек. Достаточно сказать, что не только вольные граждане, но и крестьяне, которые приходили к нему за советом, не звали его иначе, как Ваше *Превосходительство*.

Большое горе посетило в Валуях и меня самого, когда моя жена тяжело заболела желтухой. Пару месяцев мы чрезвычайно за нее тревожились, и лишь с помощью действенных советов доброго господина Кароля Качковского молодые все еще силы превозмогли в конце концов зло. Я и сам немного позже оказался одной ногой в могиле у болотистого Валуя. Какое-то внутреннее воспаление так яростно напало на меня, что уже три врача качали надо мной головами.

Но бывали там и минуты более непринужденные. Прежде всего, чтобы занять наших пусть пока еще и маленьких мальчиков, старшему из которых едва исполнилось шесть лет от роду, я учил, а скорее даже забавлял их основами наук, и на мои уроки также приходил сын Билиньских, который был немногим старше. А молодой Дверницкий просил меня давать вместе с ним уроки французского.

Позднее, когда многие ссыльные пожелаали развлечься какой-либо умственной деятельностью, доктор Качковский взял на себя труд прочитать лекции по естественной истории, Могильницкий — мировой истории, а я, имея некоторое количество учебных пособий, которые привезла жена, взялся рассказывать историю нашей родины. Такие лекции устраивались в домах лекторов два раза в неделю, а поскольку чита-

ли мы их по памяти, приготовления к ним занимали немало времени. По завершении доклада многочисленный кружок оставался выпить чаю и перекусить, и остаток вечера скрашивался музыкой, песнями, чтением стихов или дружескими играми. Зимой кто-то подал идею любительского театра, однако сложности с поиском подходящих произведений оказались непреодолимыми. В угоду желаниям молодежи я постарался написать небольшую комедию, которую с успехом сыграли дважды.

Летняя пора предоставляла куда более разнообразные развлечения в виде дальних прогулок, пикников, купаний, сбора орехов в ближайшем лесу и различных походов за город для упражнений и для забавы. Месяцы и годы сливались друг с другом, и в нашем положении нельзя было даже помыслить о каких-либо переменах.

В 1866 году весть о преступном покушении в Петербурге испугала нас и вселила в нас новую тревогу и неуверенность. Когда, однако, пришло официальное заявление, что на жизнь царя посягнул Каракозов*, то есть чистокровный русский, наши сердца исполнились облегчения, поскольку никакого очевидного повода для усиления преследований не было. Однако всевластным наместникам в Вильне и Киеве думалось иначе. От имени императора, предрешая судьбы даже тех, кто в административном порядке без суда и без предъявления обвинений был выслан из страны, было объявлено всем землевладельцам этой категории, что им милостию даруется два года, чтобы собственноручно продать свое имущество. По истечении указанного срока государство само займется его экспроприацией посредством публичных аукционов, пусть даже и при минусовой цене; при этом (*nota bene!*) не дозволялось покидать места ссылки, предписывалось это делать только с разрешения уполномоченных лиц.

Учитывая единовременно вышедший указ, запрещающий полякам покупать недвижимое имущество во всех наших провинциях, оставалась единственная перспектива: побыстрее найти русских купцов, которые прекрасно осознавали, что через два года они с легкостью купят лучшие участки земли по той цене, какую сами великодушно назначат.

В этой безвыходной ситуации, в крайней степени отчаяния, я схватился за первую соломинку, на которую натолкнул меня случай. После смерти нашего отца, из-за случившейся в стране смуты, раздел имущества между братьями и сестрами не был завершен в соответствии с буквой закона. На этом основании я подал прошение куда следовало, чтобы мне сперва позволили отъехать в родной край для улаживания дел, и

* Революционер-террорист
Дмитрий
Владимирович
Каракозов.

чтобы тогда, когда я уже буду окончательно знать, что именно мне принадлежит, я мог выполнить волю суда и отбыть срок до конца. Вопреки самым смелым ожиданиям во второй половине октября 1866-го года меня отправили в трехмесячный отпуск с любезным дозволением путешествовать без почетного сопровождения полиции. Это была настоящая сенсация, поскольку с тех пор, как четыре года назад начались ссылки, я был первым, кто оказался удостоен милости взглянуть краем глаза на свою родину.

Это было слабым утешением, поскольку трехмесячный срок висел над головой, как дамоклов меч. Мы попрощались с добрыми товарищами по ссылке, которые почти все в волнении сердца проводили нас за три версты до паромной переправы; в печальном настроении духа мы дружески пожали ладони и расстались. Только в глубине души я твердо решил, что уже не буду подвергать опасности возвращения в Валуйки свою бедную жену и детей.

Первый день поездки к Харькову был ясный и сухой; осенней ночью началась слякоть, и дорога стала гораздо трудней: по восемь сильных лошадей в двух тяжелых экипажах с трудом тянули нас. А в Харькове во время однодневного отдыха на беду хватил мороз, и земля затвердела, словно разглаженная гладильным катком.

О краткости отпуска уже и не было речи, ибо умереть месяцем раньше либо месяцем позже — разница не велика, однако жена была на сносях, и каждый день был исчислен и неизмеримо дорог. Эх! с божьей помощью, хоть и маленькими шажками, пускаемся в дальнейший путь. И каким-то счастливым образом минуем Полтаву — и мы уже в Пирятине.

Этот уездный городок был мне хорошо знаком со времен военной службы. В полку весело пролетели два года, молодая трактирщица Анна Ивановна потчевала гусаров хорошо, несмотря на то, что нередко они подтрунивали над ней, а еще чаще — над ее тучным мужем. Хотя прошло уже 20 лет, но пища все так же нужна в дороге, и я велел ямщику ехать прямиком в трактир. Переступив порог того самого дома, узнаю ту же, уже степенную, женщину. «Как поживаешь, Анна Ивановна?!», — удивленно восклицаю я. «Простите», — говорит она, — «простите, но я и впрямь не узнаю вас». «Ну, припомни гусара полка княгини Ольги; однако, потом поговорим, а сейчас, матушка, моя жена и дети голодны, а слуги не ели приличной пищи со вчерашнего дня. Вспомни былые времена, угости путников, как ты умеешь, да поскорее». Добросер-

дечная баба мигом принялась за работу и, не отрываясь от занятия своего, жаловалась, что овдовела, что потеряла мать, а вслед за ней — и детей, что теперь город опустел, трактир никому не нужен, и так захлопотала, что менее чем через час вкусно сваренный обед стоял на столе. А когда после еды я в ответ заговорил о собственной беде, то она заламывала руки и не раз утирала слезы. Едва привели свежих лошадей, я попросил счет. *«Нет»*, — говорит она, — *«вы несчастный, с вас брать деньги грешно»*. И лишь после того, как я принялся настаивать, она приняла скромную плату, благословив нас в путь. Есть добрые сердца на Божьем свете, но почему же они не откликаются на стоны миллионов?

На вторую станцию за Пирятиным уже опускалась темная ночь, когда мы переезжали длинный вал у деревни Тепловки, принадлежащей князю Долгорукому, и при этом уже слегка поврежденные передние колеса экипажа разлетелись в щепы. Хорошенькое дельце! Однако местность была полностью мне знакома, на этих землях когда-то стоял мой эскадрон, а во дворце князя я бывал частым гостем. Поэтому, несмотря на метель, я оставляю жену и детей посреди вала, а сам пешком торопливо иду ко дворцу через роскошный парк. Должно быть, я плутаю, потому что от здания нет ни следа, только торчат лачуги, жутко воют собаки, да виднеется слабый огонек в маленьком окошке за низкой стеной без крыши. Где собаки, там и люди; кто-то ведь должен там быть; я отмахиваюсь от дворняги и оказываюсь на кухне к великому удивлению дремлющего на лавке сторожа. «Что тут у вас происходит? Где дворец? Где ваша дворня?» *«Дворец сгорел, никого нет, только князь один во флигеле»*. «Ну так проводи меня до его дома, я давний знакомый, а сейчас я в дороге, нужна помощь». «Все это напрасно», — сонно и с неохотой бурчит он; князь слаб и лежит, а единственный слуга куда-то ушел на час. Чудесная перспектива! Однако умиловив сторожа рублем, я последовал его совету и дошел до господина комиссара, который жил поодаль, при хуторских постройках. Удача распорядилась так, что его женой была полька; были высланы люди и пусть с великими трудностями, но экипаж был доставлен на двор комиссара. Там пришлось нам гостить два дня, прежде чем починили колесо, но все это оказалось к лучшему, поскольку моя жена, чувствуя себя нездоровой, все это время пролежала и могла хоть немного отдохнуть. Благородные хозяева уступили нам свои покои и с огромной

предупредительностью заботились о нас. О самом же князе под большим секретом я узнал печальные вещи.

Zaleski, M. (1893). Wspomnienia Marcina Zaleskiego 1830-1873 (s. 269-289). Gubrynowicz i Schmidt.

Перевел с польского языка **НИКОЛАЙ БЕЛОПОЛЬСКИЙ**

II. Из писем Кароля Качковского

Известный и многими ценимый писатель Болеслав Лютомский в недавно опубликованном очерке под названием «Шестьдесят третий» (в издании «Тыгодник иллюстрированный», №19 за 1907 г.) справедливо отметил, что «шестьдесят третий год, проклинаемый одними и незамеченный другими, засыпанный пеплом забвения, еще не нашел своего выразителя, психолога, летописца», что «этот год меньше и хуже всего известен из истории лет, последовавших за разделом [Польши], и о нем мы имеем самое превратное и поверхностное представление». И затем, разбирая причины того, почему до сих пор у нас нет истории того времени, он клеймит вред, который история, политика и практика причинили поколению шестьдесят третьего года, и справедливо утверждает, что «точка зрения из сегодняшнего дня должна нам, по крайней мере, позволить понять неотвратимый ход событий, а также почтить память павших, погибших и замученных во имя правды и веры».

Одним из тех, кто жил в то время, кто заслуживает памяти в веках и может служить примером для грядущих поколений, несомненно был доктор Кароль Качковский.

В письмах из ссылки, которые я привожу ниже, выражается портрет безупречного мужа, достойного гражданина страны, истинного борца за веру и правду, абсолютного патриота. Более известный как профессиональный врач, чем как общественный деятель, Качковский писал письма своему школьному другу из Кременца, позже товарищу по изгнанию, который вскоре вернулся в страну.

Доктор Кароль Качковский родился в Варшаве в 1797 году, закончил Кременецкий лицей, потом получил степень доктора медицины в Виленском университете. Сначала он практиковал в Кременце, к которому чувствовал, как почти все воспитанники Чацкого, сыновью привязанность, потом — в Варшаве, какое-то время во Львове, Владимире-Волынском, в своем имени Пулинах в Вольны, затем — в Бердичеве, в Житомире, наконец поселился в Одессе, откуда был выслан в Сибирь. И повсюду он блистал гражданскими

и национальными достоинствами и пользовался большой репутацией как врач.

Остальное пусть Качковский расскажет о себе сам, в письмах, публикуемых ниже.

В. УЛЬТИМУС¹¹

4 АПРЕЛЯ 1864 г., ВАЛУЙКИ

Уважаемый пан!

Письмо Твое вручил мне господин исправник три дня тому назад по прошествии обычного контроля. Ты, достойный пан, без труда поймешь, сколько радости доставило мне Твое письмо, но вместе с тем Ты должны понять, как меня опечалило, что судьба, схожая с моей, оторвала Тебя, достойный пан, от семьи, от домашнего очага и бросила в далекую и чужую для Тебя страну. Что делать — такова воля Божья! Среди этого несчастья еще счастлив тот, на кого Бог не обрушил тяжелого удара, и кого Он охранил от потери дорогих людей. Такое несчастье выпало мне — мой единственный сын, моя единственная надежда и утешение, оставил меня на сей земле¹². Такова, Господи, воля Твоя, пути Твои неисповедимы. Слезы и тяжелые вздохи объединяют нас.

Прости мне, уважаемый пан, что на Тебя, опечаленного изгнанием, я набрасываю свой черный саван. Скорбь ищет облегчения. Чувство сострадания не ошибается, и единство (Кременецкой) Школы — тому зарок.

Есть и благодать Божья в том, что, заброшенные в чужой край, мы сблизимся друг с другом и образуем товарищество — тихое, скромное, терпеливое и дружное. Мы надеемся, что в Тебе, уважаемый пан, мы найдем милого друга, а Ты будешь здесь среди своих.

¹¹ Письма Кароля Качковского, написанные им в Валуяхах, были опубликованы под заголовком «Год 1863-й» с предисловием В. Ультимуса в газете «Kurjer Narodowy : dziennik polityczny, społeczny, ekonomiczny i literacki» в №№ 56, 59 и 61, которые вышли 29 сентября, 2 и 4 октября 1915 г. В данной публикации мы решили оставить предисловие В. Ультимуса, по-видимому, ответственного за выбор и редакцию писем. Отметим, что письма до 30 апреля 1864 г. включительно были опубликованы в №56 упомянутого издания, письма до 31 декабря 1864 г. включительно были опубликованы в №59, а все оставшиеся — в №61.

¹² Зыгмунт, сын Кароля Качковского от первого брака, родившийся в 1831 г., умер в Валуяхах в 1863 г. В 1865 г. там же скончалась жена Кароля Качковского Стефания. См.: Szmyt, A. (2015). Krzemieńczanin Karol Kaczowski – naczelnik lekarz armii powstańczej. W T. Skoczek (Red.), *Powstanie listopadowe 1830-1831: Dzieje, historiografia, pamięć* (s. 33–52). Muzeum Niepodległości w Warszawie.

Трудно заранее условиться о жилье, мы будем искать его, и оно найдется, вместе с содержанием, наверняка, не дороже указанной цены. Все мы здесь живем стесненно, поскольку средства наши сейчас подходят к концу. Что поделять — к материальной нехватке человек привыкает легче.

Здесь часто поговаривают, что пан Дымша тоже собирается пополнить наш круг. Не имею чести знать его лично, но слышал о нем от других, и мое сердце стремится к нему. Разве было бы не чудесно, если бы вы договорились друг с другом и организовали бы себе общее жилье со столованием. Вместе было бы проще и удобней найти что-либо подходящее. Что Ты думаешь об этой затее? Если Ты хочешь для себя отдельного уголка, дай мне знать, и мы, чтобы Тебя порадовать, поищем среди местных жилищ.

30 АПРЕЛЯ 1864 г.

На письмо от 20 апреля, которое мне вручили вчера, я отвечу позднее.

Есть уже готовая квартира совсем рядом с Завадскими — две комнатки с подходящей мебелью, с обслуживанием покоев, с самоваром и чайным сервизом, с водой, четыре рубля ежемесячно.

NB: Услуги касаются только комнат, но не обуви и платья.

Ultimus, W. (1915, września 29). Rok 1863.

Kurjer Narodowy: dziennik polityczny, społeczny,
ekonomiczny i literacki, (56), s. 2.

5 СЕНТЯБРЯ 1864 г.

Не могу удержаться и не написать хоть пару слов любимому Ректору. Почтовая *[карета]* отходит, в прихожей и в так называемой «зале» предостаточно пациентов, поэтому не буду все подробно расписывать, хотя был бы рад по-стариковски поболтать.

Приехали Могильницкие. Глава семьи сам был у меня вчера с письмом от любимого Ректора. Был час обеда, и мы разделили, что Бог дал, а добрая Павлинка состряпала. Радость наша была печальной. Такое сочетание существительного с прилагательным — это только наша особенность, его мы понимаем и чувствуем. Прибывших с Волыни я обнял и поцеловал — теперь занимаемся поисками для них уютного уголка. С квартирами тяжело, поскольку и пациенты занимают часть из них. Мы связаны с ними узами товарищества, о целостности которых я неустанно пекусь. Молодым людям я напоминаю Твои слова: «работа и работа, и при том — скром-

ность», — повторяю я и будут повторять они; уж не знаю, что из этого выйдет.

Завтра мы все *in gremio* выбираемся на прогулку — хотим встретить ясные осенние дни в лесу.

Мы будем ждать Его Благородие Губернатора, чтобы хотя бы отчасти познакомиться с Его Особой и с Начальником канцелярии. Окажем почести тем, кто делает нам добро.

9 НОЯБРЯ 1864 г.

Вся наша колония находится в добром здравии и согласии. Усердствуем в работе и учении. Мы поделили между собой географию, историю и естественные науки. Мне достались последние. Раз в неделю нужно что-нибудь рассказать о природе, но память уже подводит, а книг здесь нет. Как бы мне пригодились книги о Вселенной, что-нибудь о гигиене с более глубоким взглядом на все. Выбери мне что-нибудь, дорогой Ректор; несколько рублей я тебе пришлю, как только получу книги. Времени у меня мало, поскольку, как ты знаешь, я днем занят больными, а по вечерам мы встречаемся тут и там, чаще всего у меня.

Работа врача дает мне не много — бедняков больше, чем богатых, словесной благодарности больше, чем материальной. Не раз сожалел о том, что нет здесь Тебя, дорогой пан.

Вы, должно быть, уже получили вести из Воронежа, однако же я обязан, дорогой пан, дать Тебе отчет о своем путешествии. Я приехал через три часа после Твоего отъезда. Очень мне было досадно. Ровно то, к чему я стремился всем сердцем, обошло меня стороной. Я застал нашу дорогую пациентку на первый взгляд в более обнадеживающем состоянии, однако это была просто передышка в бою. Вечером начался сильный жар, болезнь приобретала грозные формы. Незамедлительная помощь быстро дала результат, и через три дня все дурное миновало. Я предоставил благодарных самим себе, а наградой мне была удовлетворенность моих чувств. Случилось то, чего я так страстно желал — отблагодарить за столько услуг, оказанных обездоленным и несчастным. Материального вознаграждения принять я не захотел — стоимость поездки была покрыта, и больше я не взял ни гроша. Это благородный и гостеприимный дом. В дороге и впоследствии в Валуяхах я познакомился с Князем Губернатором. Это чиновник уважаемый, ибо он строг, но справедлив. Колонию нашу он хвалил за то, что она тихая, и правила в ней никогда не нарушаются. Глава канцелярии достоин своего начальника, в нем есть неподкупность, чест-

ность и строгость, превыше всего строгость. Княжна — благородная и вежливая дама, полная христовых добродетелей и милосердия. Я познакомился с несколькими семьями, на что мне хватило пять дней. Словом, поездка была приятная, поскольку погода стояла хорошая; приятной была и остановка в Воронеже, мне оказали вежливый прием и отблагодарили, приятным было и возвращение, поскольку колония сердечно меня приветствовала.

11 НОЯБРЯ 1864 г.

Старые и молодые шлют Тебе, Ректор, знаки надлежащего уважения и благодарность за то, что помнишь нас. Само собой разумеется, что оба пола в этом едины. Я часто повторяю Твои слова молодым и читаю им вслух: «нужно работать и работать». Мы, пожилые и старики, на совесть заботимся о том, чтобы уберечь молодежь от праздности. Увлекаем ее различными занятиями. Мы распределили между собой науку языкам, географии, арифметике, рисованию. Каждый день какая-нибудь лекция — нужно учиться. Когда-нибудь они будут благодарны нам за нашу заботу и братскую доброту. У нас чудесная погода, зима стоит мягкая, без ветра и снега. Сама дорога неплохая, однако белый покров очень тонкий.

31 ДЕКАБРЯ 1864 г.

Завтра начинается Новый год. Старый прошел в терзаниях душевных и сердечных. На все воля Божья! Лишь бы наступающий год светил нам счастливой звездой, всегда развевал черные тучи и принес нам радостные и мирные дни.

Посылаю в ответ свой Билет (фотографию).

Колония наша находится в добром здравии, поскольку я хворать никому не позволяю, хотя сам страдаю насморком. В сочельник мы разделимся пополам: будем праздновать в двух домах по 24 человека...

Ultimus, W. (1915, paŹdziernika 2). Rok 1863.
Kurjer Narodowy: dziennik polityczny, społeczny,
ekonomiczny i literacki, (59), s. 2.

26 МАЯ 1865 г.

Уж седые брови мои стали хмуриться, так давно я не получал вестей от тебя, любимый Ректор. Но вот приносят мне столь вожделенное письмо. Сразу же у меня посветлело в глазах и отлегло от сердца. Слава Богу, ты здоров и снова идешь своим путем. Письмо от тебя, любимого нашего товарища, передается из рук в руки по всей колонии. Каждая

деталь в нем глубоко нас волнует, потому что все это свое, любимое, уважаемое, чтимое. О, если бы только исполнилось твое пророчество, и мы вскоре встретились на *[Ясной]* Горе! Потому что души наши желают того же — если бы тело было свободным — молиться о свободе и сердечном утешении у подножия алтаря в Ченстохове. Мы мечтаем об этом в нашем домашнем кругу. Колония наша слегка перехворала, теперь все стоят на ногах и практически здоровы. Почти все мы пьем сыворотку, иногда отдельно, иногда с соками. Холода, порывистые ветры, сильная засуха не слишком способствуют лечению, мы пытаемся лавировать, как умеем. Мне приятно заботиться о здоровье нашей доброй маленькой компании.

До сих пор мы смогли совершить лишь одну поездку в монастырь. Когда бы кто со стороны взглянул на наши две товарищеские цепи, сразу бы понял, если он способен мыслить и чувствовать, что узы в них спаяны общим чувством, что они объаты тоской, и что лишь надежда, как утренняя зоря, веющая легким теплом, вырывает у нас радостные слова. Фотографический аппарат уловил бы только печаль в каждой черте лица. Ты и сам был звеном в такой цепи, такая бедственная жизнь тебе знакома.

Наша семья Могильницких едет на пару недель в Воронеж. У Костровицкой есть надежда, что она скоро вернется в родимый дом.

Здоровье мое подобно дереву, разбитому ударом молнии. Обломки его разлетелись, часть ствола остается еще в земле, еще тянет из нее соки, однако потихоньку опадают остатки коры и ветки с пня. И лишь зеленый листок свидетельствует о том, что остатки жизни выполняют свое предназначение. Дорогая моя жена, милые мои девочки, Каролька и Павлинка, не дают моей жизни разрушаться, и я тоже подбадриваю себя, как могу, и ищу тот живительный материал, которым являются работа и воспоминания о друзьях.

28 ФЕВРАЛЯ 1867 г.

Печально мне было на сердце, что от тебя, честной мой приятель, я не получил ни словечка. Не утешений я прошу, ибо один Бог утешит такую боль в сердце, но лишь весточки от тебя. Где ты? Как твои дела? Посреди гонений и личных несчастий человек с трепетом ждет и даже требует некоего утешения от тех, кто дорог его сердцу. Я понес страшную утрату в лице дражайшей моей жены, которая после множества тяжелых скитаний добралась до меня, чтобы улады семейной жизни развеселили угрюмого старика. Конечно, жена, дочь и воспитанница принесли мне тихое и блаженное до-

машнее счастье — омрачала его лишь тоска по второму сыну. Однако же мрачные дни моей жизни были скрашены присутствием дорогих мне людей. Но грянул гром! Пропало солнце, закончились счастливые дни! Я пережил тяжелый приступ болезни горла. Целую ночь не отходила от меня дорогая моя жена, а когда захотела освежиться блеском утренней зари в первых числах июля, вышла на холод, и в ту же минуту у нее начался сильный жар; она вернулась в свою комнатку и с кровати уже не встала. У меня самого был жар, и я уже утратил мужество и надежду, хотя раньше всегда лечил ее сам, и даже во время самых тяжелых болезней ни от кого не нуждался в помощи. В этот же раз я был всего лишь смятенным консультантом, а вернее даже наблюдателем, который с ужасом и отчаянием смотрит за развитием болезни. В то время, как меня пытались утешить врачи, я чувствовал и видел близость смерти. Свершилось! — после потери сына я потерял и своего первейшего товарища. Мы с Каролькой и Павлинкой стали словно сироты. Мы насыпали могильный холм из чужой нам земли. Зеленый покров на нем, орошенный нашими слезами, послушно соединился с землей, будто бы укрепляя могилу. Ах, если бы сама природа могла бы встать у нее на страже! Люди будут дурно с ней обращаться, разобьют ее!

Мы трое, сироты, мечтали о будущем, о том, как мы вместе будем жить, и тут разрушились наши мечты. Дядя Павлинки, бездетный старик, эгоист, скупец, никогда ни единым грошом не помогавший племяннице, вдруг вызывает ее к себе, угрожая навредить ей морально и материально, если она не будет послушна его воле. Подчинение, которое завещал нам естественный закон, и страх перед утратой ее материального благополучия вынудили нас выслать дорогое дитя в Подолье. Получив благословение и всевозможную помощь, вместе со специально нанятой для этой поездки служанкой, она выехала от нас через несколько недель после смерти своей попечительницы. Теперь дочь для меня все — моя подруга, моя попечительница. Под стражей ее любезного сердца тянутся мои дни, в глубокой душевной тоске. Я доживаю остаток жизни в полной покорности Божьему приговору. Работой пытаюсь притупить больные свои чувства. Всегда много желающих обратиться ко мне за советом, это занимает меня на время, хотя материальной выгоды от этого мало. Зимой я никуда не выхожу. Мы жадно читаем несколько газет и литературных журналов. Выписываем *Revue des deux mondes*. Мы охотно общаемся, как и раньше. Правда, наша колония становится все печальней, поскольку доходы каждого из нас чрезвычайно страдают. Кроме того, многие из нас уехали. У нас есть

дозволение выехать в Херсон — ждем весны. Все оставшиеся хорошо себя чувствуют. Мы понесли новую тяжелую утрату в связи со смертью П. Собаньской, тети Карольки — траур не прекращается в моем доме. Что делать! Логика и разум не могут постичь этой загадки жизни. Почему?.. За что?.. Но мы идем дальше — финал близок — со спокойной душой, с чистой совестью, в любой момент жизни мы будем готовы сказать: «Да будет, Господи, воля Твоя! Аминь.»

Ultimus, W. (1915, października 4). Rok 1863.
Kurjer Narodowy: dziennik polityczny, społeczny,
ekonomiczny i literacki, (61), s. 2.

Перевел с польского языка **НИКОЛАЙ БЕЛОПОЛЬСКИЙ**

